

М. Ю. ЛАПТЕВА

**ЯВЛЯЛИСЬ ЛИ ПЕРСИДСКИЕ НАЛОГИ
ПРИЧИНОЙ ВОССТАНИЯ ИОНИЙСКИХ ГОРОДОВ
в 499—494 гг. до н. э.?**

Восстание ионийских греческих городов — одно из самых заметных событий в истории более чем 200-летних взаимоотношений Ахеменидской Персии и малоазийских греческих полисов. Между тем причины, приведшие малоазийские города к восстанию, почти не были предметом специального изучения как в русской дореволюционной и советской, так и в зарубежной исторической науке. Обычно называются следующие причины восстания.

1. Тяжелые персидские налоги¹.

2. Препятствия ионийской торговле, чинимые Персией: захват черноморских проливов, завоевание Египта, покровительство финикийцам².

3. Тиранические формы правления в городах, поддерживаемые Ахеменидами³.

Как правило, в работах общего характера эти причины в различных вариантах и комбинациях лишь перечисляются, но не анализируются. Правда, восстанию посвящено несколько специальных статей, главным образом иностранных. Но зарубежных авторов, изучавших различные аспекты Ионийского восстания, причины его обычно не интересуют⁴. В советской исторической науке причины восстания рассматривались в статье В. М. Строгоцкого⁵. Но автор при этом ограничивался анализом одних лишь мероприятий восставших ионийцев, оставляя без внимания всю систему греко-персидских отношений. В силу указанных особенностей историографии современная степень изученности причин Ионийского восстания представляется неудовлетворительной.

Среди называемых экономических причин восстания прежде всего заслуживает внимания персидская налоговая система. В советской историографии налоговая политика персов не была предметом особого исследования. Однако нередко в работах общего и специального характера можно встретить утверждения о тяжести и даже губительности персидских налогов для экономики всех подвластных народов (в том числе и малоазийских греков)⁶. Так, И. Алиев называет налоги персов страш-

ным бременем, которым «тяготились все народы, подчиненные... Ахеменидам»⁷. Аналогична оценка налогов у Б. Г. Гафурова⁸. В последнем издании истории древнего Востока утверждается, что тяжесть персидских налогов побуждала налогоплательщиков занимать деньги у ростовщиков, покидать свои земли⁹. Встречается также мнение, что тяжелы были не столько сами налоги, сколько способы их взимания¹⁰. Так, И. С. Свенцицкая считала, что налоги в Персидском государстве собирали не сатрапы, а откупщики с помощью военных отрядов¹¹. Вполне соответствует изложенным взглядам позиция авторов, называющих персидские налоги непосредственной причиной Ионийского восстания. В. И. Холмогоров, рассматривая персидские налоги как одну из причин восстания, замечает, что 400 талантов серебром, взимаемые с греческих городов первой сатрапии, — «сумма по тому времени огромная»¹². Утверждение, что гнет налогов — одна из основных причин Ионийского восстания, содержится в последнем издании истории древней Греции¹³. Подобные выводы встречаются и в работах некоторых зарубежных авторов¹⁴. Следует отметить, что при оценке значения персидских налогов для экономики подвластных народов высказывались и противоположные суждения: налоги персов были умеренными¹⁵. И. А. Шишова, например, считает, что персидский налог, бравшийся в зависимости от земельной территории, не был велик для Хиоса¹⁶. Но и подобные оценки степени тяжести налога не могут убедить, поскольку не сопровождаются (как и в случае негативной оценки налога) анализом персидской налоговой системы. Все это оправдано тем, что рассмотрение персидского налогообложения не входило в задачи авторов указанных работ. Однако персидские налоги не рассматриваются и в специальных работах. В единственной в советской историографии статье В. М. Строгоцкого, касающейся причин восстания, о налогах ничего не говорится, так как автор выясняет причины восстания исходя лишь из мероприятий восставших. Зарубежные же авторы специальных работ, как указывалось, не занимаются изучением причин восстания.

Итак, особенность историографии вопроса, на наш взгляд, в том, что, несмотря на существующие в литературе определенные, порой взаимоисключающие, точки зрения на налоги как возможную причину восстания малоазийских греков против Персии, все они не являются результатом изучения налоговой политики персов, а потому не могут ни убедить, ни считаться окончательными. Поэтому естественно стремление установить действительную степень тяжести персидских налогов для малоазийских греческих полисов.

В настоящей статье, не претендуя на решение всего комплекса проблем, связанных с восстанием, мы попытаемся выяснить следующее: могла ли налоговая политика персов стать одной из главных экономических причин Ионийского восстания?

Обратимся прежде всего к сведениям нашего источника. Геродот нигде не говорит о палобах персов как побудительной причине восстания ионийских греков. Этого нельзя объяснить незнанием или умолчанием. Геродот, как коренной галикарпассец, был прекрасно осведомлен о малоазийских делах, а его исключительная правдивость и щепетильная добросовестность в изложении событий сейчас редко вызывают сомнения. К тому же Геродот, задавшись целью выяснить причины греко-персидских войн¹⁷, тщательно собирал факты взаимных обид греков и варваров. И трудно предположить, что, зная о недовольстве персидскими налогами, Геродот не упомянул бы о них.

Однако молчание источника — не достаточно веское основание, чтобы исключить налоги из причин восстания, так как Геродот объясняет малоазийские события только субъективными мотивами: авантюрами Аристагора и Гистиея, тиранов Милета (V, 30—36). Правда, Гистией у Геродота уверяет, будто ионийцы совершили то, что давно желали (V, 106: *Ionēs gar... poiesai ton palai himeron eichon*). И эти желания мы могли бы узнать по мероприятиям восставших ионийцев. Но в действиях восставших (V, 37—38, 101, 103) нет и намека на недовольство налогами¹⁸. Показательно и то, что совершенно иные причины видны в объяснениях зачинщиков восстания Гистиея и Аристагора. Так, Гистией, подстрекая ионийцев к восстанию, лгал им, уверяя, что персидский царь собирается переселить их в Финикию (Нег., VI, 3). Аристагор же, убеждая спартанского царя Клеомена помочь восставшим, объясняет ему, что ионийцев толкнуло на восстание их рабское положение (*Ionon paidas dulus einai ant elevtheron*.— V, 49). Эта мысль, несомненно, принадлежит самому Геродоту. В его «Истории» не раз встречается отождествление демократии с политической свободой (необходимым условием процветания государства) и противопоставление ее тирании, ставящей граждан в рабское положение (II, 1; III, 80; V, 78, 92; VII, 102, 135)¹⁹. В середине V в. до н. э. понятия *duleia* и *elevtheria* (употребляемые в политическом значении) оказываются в центре внимания демократической (представителем которой был Геродот) и олигархической политической мысли в связи с обсуждаемой в это время проблемой взаимоотношений полиса и державы²⁰. В устах же Аристагора, оказавшегося у власти с помощью Дария (*dia Dareion*.— Нег., IV, 137), подобная речь неестественна. Скорее всего, он лишь развивал господ Клеоменом авантурный план завоевания Персидского государства, доказывая несложность и экономические выгоды этого предприятия (Нег., V, 49). Между тем гнет налогов был бы для взбунтовавшихся тиранов прекрасным предлогом объяснить свои интриги. Но, как мы видим, сообщение Геродота о Ионийском восстании не содержит данных о возможном налоговом бремени.

Но если Геродот ничего не говорит о налогах персов при изложении Ионийского восстания, то достаточно подробно они описаны при характеристике реформ Дария I²¹. Согласно Геродоту, греческие полисы Малой Азии были включены в две сатрапии: первую и третью (III, 90). Мы будем иметь в виду лишь города первой сатрапии, так как восстание началось в них. От первой сатрапии ежегодно поступало в царскую казну 400 вавилонских талантов серебра (Her., III, 89—90). Как отмечалось ранее, сумма ежегодного налога²² представляется некоторым исследователям непосильным для греческих полисов бременем²³. Посмотрим, так ли это было в действительности.

Прежде всего, необходимо выяснить количество полисов, включенных в первую сатрапию. По данным Гекатея Милетского, Геродота, списков фороса афинских союзников, Фукидида, Ксенофонта и Страбона, в первую сатрапию входило 165 городов²⁴. Таким образом, 400 вавилонских талантов серебра распределялись между 165 (по меньшей мере) полисами.

По какому принципу взимался этот налог? Судя по сообщениям Геродота, налог брался в зависимости от размера полисной хоры²⁵. Это следует из действий сатрапа Артаферна, приказавшего после подавления Ионийского восстания обмерить земли городов парасангами, чтобы определить их налоги сообразно с размером земельных владений (Her., VI, 42: *...enancase... tas choras metresas sphaon cata parasangas. ... cata de tutus metresas phorus etaxe hecastoisi*). Этот обмер земли не означал изменения принципа обложения. Он объясняется тем, что земельные владения восставших городов были (как, например, в Милете) урезаны (Her., VI, 20), а города, не запятнавшие себя участием в восстании (подобно жителям Педас), напротив, увеличили свои земли (Her., VI, 20). Отсюда и необходимость нового обмера земли.

Насколько тяжел был налог, можно было бы узнать, определив среднюю его величину на город. Но, имея в распоряжении сведения о количестве городов первой сатрапии, общей сумме налогов и принципе их взимания, мы не можем при выяснении средней величины налога опереться на них, так как нам неизвестны ни размеры хор полисов, ни ставка налога²⁶. Простое же деление суммы налога на число полисов также не позволило бы определить среднюю величину налога, поскольку в этом случае не учитываются ни хоры городов, ни численность их населения, и следовательно, возможна ошибка в несколько раз против действительной величины²⁷. Будь нам известно население всех городов, мы смогли бы высчитать среднюю величину налога на человека, и это помогло бы представить размер налога для каждого города, ибо, несомненно, существовала твердая пропорция между населением греческого полиса и размером полисной хоры. Но наши источники дают возможность опреде-

лить приблизительную численность населения лишь для тринадцати ионийских городов, участвовавших в восстании²⁸.

Таким образом, прямых данных для выяснения степени тяжести персидского налога явно недостаточно. Но возможен и другой путь решения интересующей нас проблемы.

Как в советской, так и в зарубежной историографии не раз обращалось внимание на главу 42 из VI книги Геродота, где подчеркивалось, что налоги, установленные Артаферном после подавления Ионийского восстания, просуществовали без изменения до его (Геродота) времени. Из этого заключения, а также из примерного равенства сумм фороса и персидских налогов²⁹ делались выводы о зависимости афинского фороса от персидской налоговой системы: первоначальный форос Афинского морского союза был установлен Аристидом с учетом персидского налогообложения этих городов³⁰. Подобные заключения находят подтверждение и в других источниках. Плутарх в биографии Аристида (XXIV) пишет, что союзники Афин поручили Аристиду «и землю, и доходы обследовав, установить каждому городу [форос] по оценке и по возможности» (*choran te cai prosodus episcepsamenon, horisai to cat'axian hecasto cai dynamin*), т. е. афинский форос учитывал не только земельную территорию полиса, но и его доходы. Из приведенных фактов можно сделать два вывода. Во-первых, афинский форос, хотя и взимался по другому, нежели персидский налог, принципу, включал в качестве составной части прежнюю сумму персидского налога, так как тоже учитывал размер хоры города. И, во-вторых, величина фороса для города была больше, чем величина персидского налога, поскольку кроме земельной территории форос брался еще и с дохода города. Но в этом случае мы сможем, определяя размер фороса на город, установить для персидского налога верхнюю границу, т. е. тот максимально возможный вариант налога, выше которого он быть не мог.

Списки фороса афинских союзников³¹ дают сведения о форосе каждого города Карийского и Ионийского округов (часть которых входила ранее в первую персидскую сатрапию) начиная с 454 г. до н. э. Мы будем брать во внимание суммы фороса лишь до начала Пелопоннесской войны, во время которой форос союзников резко возрос. Исходными данными будут также сведения о количестве населения восьми ионийских полисов³², определенном К. Рэбаком. Поскольку между населением города и размером его хоры существовало определенное соотношение³³, средняя величина налога на город может быть установлена через вычисление среднего размера налога на человека. Разделив сумму фороса восьми городов на общее количество их населения³⁴, получим среднюю величину налога на человека. Она составляет 1,8 драхмы (или 10,8 обола) на человека³⁵.

Теперь мы можем определить, какая сумма налога приходилась и на самые крупные, и на самые малочисленные из извест-

ных нам городов. Умножив полученную среднюю величину налога на число жителей наименьших городов, Миунта и Лебеда (2400 человек), например, получим сумму приблизительно в 1 талант. Для крупнейших полисов первой сатрапии: Хиоса (80 000 человек), Милета (64 000), Лесбоса (56 000) и Самоса (48 000) налог составит соответственно 24; 19,2; 16,8; 14,4 таланта. При этом 24 таланта будут максимальной оценкой налога как для самого крупного города, так и для всех городов персидской системы в целом³⁶.

Следующей задачей является выяснение степени тяжести налога для крупного и для небольшого (самое показательное) полиса первой сатрапии. В соответствии с полисными традициями необходимые для внешних выплат суммы брались непосредственно из государственной казны, граждане же полиса от прямых налогов обычно освобождались³⁷. В случае финансовых затруднений и экстраординарных потребностей необходимые суммы налагались на самых состоятельных граждан и метеков в виде литургий. Думается, малоазийские полисы не были исключением. В «Экономике» Псевдо-Аристотеля именно так и поступает правитель Карики Мавсол, получив от персидского царя письмо с требованием уплатить налог (II, 2, 1348a, 5—15).

Насколько же мог быть обременительным персидский налог для казны малоазийского полиса конца VI в. до н. э.? «История» Геродота позволяет с определенной степенью уверенности судить о финансовых возможностях (в конце VI — начале V в. до н. э.) крупных полисов — Милета и Самоса. Во время восстания Аристагор, тиран Милета, предлагает спартанскому царю Клеомену взятку в 10, а затем в 50 талантов (Нег., V, 51)³⁸. Известно, что в начале V в. до н. э. триера стоила талант (Арист., 22,7). Милет же в период восстания в состоянии был выставить 80 триер (Нег., VI, 8). В случае необходимости милетяне могли также использовать (как это предлагал сделать Гекатей Милетский) сокровища храма Аполлона в Дидимах, где хранились богатейшие посвященные дары Креза (Нег., 1,92; V, 36). Но и в критический период восстания необходимость в сокровищах не возникла (Нег., V, 36). Что же касается Самоса, то он мог выставить сразу 60 триер (Нег., VI, 8), а в конце VI в. до н. э. самосцы платили знаменитому врачу Дамокеду 2 таланта в год (Нег., III, 131). Как можно заметить, даже при максимальной оценке налога (24 таланта) он не оказался бы непосильным для казны таких крупных городов, как Милет и Самос. Действительный же размер налога был, разумеется, ниже.

Примерную платежеспособность небольших полисов можно узнать благодаря спискам фороса. В 50—30-х гг. V в. до н. э. самые малочисленные из известной нам группы городов — Колофон (около 2 тыс.), Лебед (2400) и Миунт (2400), для кото-

рых верхней оценкой налога является сумма в 1 талант, выплачивали в казну союза от 1 до 3 талантов³⁹. В битве при Ладе (Her., VI, 8) Миунт выставляет 3 триеры. Нетрудно заметить, что суммы, определенные нами как верхние границы налога для небольших полисов, не могли разорить даже самый малочисленный город первой сатрапии.

Итак, очевидно, что даже максимально возможные суммы налога оказались совершенно посильными для казны небольшого, и тем более крупного полиса первой сатрапии. При этом следует также учесть, что налог в 400 талантов вместе с греческими городами должны были платить и местные племена (Her., III, 90), т. е. допустимая максимальная величина налога была в действительности меньше.

Есть и другие косвенные данные, не позволяющие согласиться с распространенным мнением о тяжести персидских налогов. Плутарх (Arist., XXIV) отмечает, что после установления фороса Аристидом союзники не только не считали форос разорительным, но, напротив, прославляли его как «счастье Эллады» (*evpotmian tina tes Ellados*).

Если же допустить, что персидский налог выплачивался не из казны, а раскладывался подушно, то и в этом случае он бы не оказался непомерно тяжелым. Сравним высчитанную нами среднюю величину налога на человека (1,8 драхмы) со стоимостью жизни и зарплатами в греческих государствах в VI—IV вв. до н. э.⁴⁰ Дневной заработок моряка составлял в V—IV вв. до н. э. 3 обола (Арист., 62,2; Thuc., VIII, 29; Xen., Hell., 1, 5, 2—7), гоплита — 1—2 драхмы (Thuc., III, 17, 3; VI, 31, 3). Средний заработок афинского ремесленника — 3—6 оболов в день⁴¹. Дневной прожиточный минимум афинской семьи составлял 3 обола⁴². В конце V в. до н. э. 12 драхм стоил метрет оливкового масла, 8 драхм — пара туфель, 20 драхм — гиматий⁴³. В начале IV в. до н. э. 51 драхму платили за телку, 12—17 драхм — за овцу⁴⁴. В VI — первой половине V в. до н. э. от 7 до 9 драхм стоил медимн пшеницы⁴⁵. Известно также, что метекион, прямой налог, выплачиваемый в Афинах метеками, составлял 6—12 драхм в год⁴⁶. Как можно заметить, 1,8 драхмы оказались бы равны одно-четырёхдневному заработку жителя греческого полиса; эта сумма меньше стоимости большинства товаров в V—IV вв. до н. э.⁴⁷, также обычного прямого налога с метеков. Приведенные цифры убеждают, что и в случае прямой подушной раскладки персидский налог нельзя было считать обременительным.

Иногда тяжесть налога связывают не с величиной его, а со способом взимания. По утверждению И. С. Свенцицкой, например, налоги в Персидском государстве собирали не сатрапы, а откупщики с помощью военных отрядов⁴⁸. Никаких данных о подобной практике взимания налогов в малоазийских полисах мы в источниках не находим. Напротив, везде налоги со-

бирают сатрапы⁴⁹, если же казна города пуста, налоги выплачивают самые состоятельные жители⁵⁰.

Нельзя считать затруднением и то, что налоги с малоазийских городов собирались серебром. Хотя сами города не располагали серебряными рудниками, они рано (с VII в. до н. э.) сумели установить контакты с областями, имевшими серебро (главным образом, с Фракией, Испанией). Ионийские купцы держали в своих руках всю средиземноморскую торговлю металлом, благодаря чему города не испытывали недостатка в серебре⁵¹.

Исходя из изложенного мы считаем возможным сделать вывод, что налог серебром, ежегодно собиравшийся Персией с малоазийских городов, был сравнительно невелик и не мог стать невыносимым бременем для их экономики.

Нельзя, однако, забывать, что налоги, взимавшиеся персами,— это не только платежи серебром. Формой налогов были также натуральные поставки и повинности. О личных повинностях малоазийских полисов мы узнаем из «Киропедии» Ксенофонта (VII, 4, 9): «Эллины, живущие у моря, многочисленные дары принеся, добились, чтобы в крепости варваров не принимать, но дань платить и в поход выступать, куда бы Кир ни потребовал» (*dasmon de aropherein, cai strateuein, horoi Ciros erangelloi*), т. е. уже со времен Кира малоазийские полисы были обязаны выставлять по требованию персов военные силы. В период, предшествовавший Ионийскому восстанию, малоазийские города участвовали в завоевательных походах персидских царей дважды. Геродот сообщает, что в 525 г. до н. э. малоазийские эллины принимали участие в походе Камбиза на Египет (II, 1; III, 139). В последний раз малоазийские греки призываются на службу к царю во время скифского похода Дария I, в 512 г. до н. э., т. е. за 13 лет до Ионийского восстания. О натуральных поставках греческих полисов сообщает Геродот (VI, 48; VII, 91—95). Но самые большие расходы городов были связаны с греко-персидскими войнами, а подготовка Персии к войне началась только после подавления Ионийского восстания (Her., VI, 48), следовательно, эти поставки не могли служить причиной восстания.

Все эти факты дают основание считать, что натуральными поставками и личными повинностями, связанными с войной, ионийские города были обременены в еще меньшей степени, чем денежными налогами.

Рассматривая взаимоотношения греческих полисов с Персией, нельзя забывать о несомненных выгодах, которые создавались для греческих городов от вхождения в Ахеменидское государство: выпуск единой монеты, строительство новых дорог, их безопасность и образцовое содержание давали ионийцам возможность более тесных торговых контактов с внутренними районами Ахеменидской державы⁵². До персидского же завоевания

отсутствие удобных и безопасных дорог было одной из причин слабых экономических связей между Востоком и малоазийским побережьем⁵³. Выплата налогов была гарантией получения этих преимуществ. И, как нам думается, в представлении самих малоазийских греков налоги не были тяжким бременем (пример тому — отношение Геродота к персидскому владычеству)⁵⁴, по существу, они в этот период не могут расцениваться как форма эксплуатации⁵⁵.

Остается отметить, что тезис о невыносимой тяжести персидских налогов противоречит известиям источников об особенностях персидской политики в отношении малоазийских городов в VI в. до н. э. и экономическом расцвете ионийских полисов накануне восстания. По словам Геродота (V, 28), Милет перед восстанием «более всего тогда процветал и был красой Ионии» (*he Miletos... malista de tote acmasasa cai de cai tes Iones en groschema*). Именно поэтому Геродот (VI, 9—10) осуждает упрямство (*agnomosyne*) ионян, не пожелавших во время восстания пойти на переговоры с Персией, в то время как персы обещали восставшим по-прежнему снисходительное обращение («и, как прежде, ничуть не более жестоко будут относиться» — *ude biaioteron hexusi uden e proteron eichon*). Один из примеров «прежнего» отношения Ахеменидов к малоазийским подданным мы находим в известном письме Дария I к сатрапу Гадате⁵⁶ относительно привилегий храма Аполлона в Дидимах, находившегося, как известно, на земле Милета (Her., I, 92)⁵⁷. Дарий отчитывает Гадату за то, что тот, не повинаясь его приказам (S. G. H. I., 12, 5—8), своевольно взимал с садовников храма налоги, от которых они были освобождены, и заставлял их вспахивать «неосвященную землю» (12, 17—26). Дарий напоминает сатрапу, что персидские цари были высокого мнения об оракуле Аполлона, «который персам и своим говорил всю правду» (12, 28—29). Вместе с тем Дарий хвалит Гадату за внимание к земледельческим культурам в Малой Азии (12, 8—17). Подобная забота персидских царей о земледелии в своем государстве не раз отмечалась античными авторами (см. напр.: Xen., Oec., IV, 4, 8—9). В связи с этим мы разделяем мнение исследователей, считающих, что первые Ахемениды создавали в покоренных странах благоприятные условия для развития производительных сил⁵⁸.

Итак, на основании наших данных можно считать, что налоговая политика персов в отношении греческих полисов первой сатрапии была умеренной и не могла стать причиной их восстания против Персии в 499—494 гг. до н. э.

Поиски причин восстания следует искать в других направлениях. Необходимо выяснить, как отразилось персидское завоевание на торговле ионийских городов. Основную же причину можно, на наш взгляд, предполагать в области политических взаимоотношений Персии и малоазийских греческих полисов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. напр: Древняя Греция. Под ред. Д. П. Каллистова, В. В. Струве. М., 1956, с. 171; **Колобова К. М., Глускина Л. М.** Очерки истории древней Греции. Л., 1958, с. 146; **Huxley G. L.** The early Ionians. L., 1966, p. 146.

² **Невская В. П.** Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1959, с. 59, 61—62; **Шишова И. А.** Рабство на Хиосе. — В кн.: Рабство на периферии античного мира. Л., 1938, с. 151; **Boardman J.** The greeks over seas. Baltimore, 1964, p. 122; САН, v. 4, p. 86—88, 216; **Ghirshman R.** Iran. L., 1954, p. 149; **Olmstead A. T.** History of the Persian empire. Chicago, 1948, p. 152. Иногда причиной восстания называют общий экономический упадок ионийских городов: **Cadoux C. J.** Ancient Smirna. Oxford, 1938, p. 90; САН, v. 4, p. 218—219; **Sealey R. A.** History of the greek city states. Berkely, 1976, p. 177.

³ **Строгецкий В. М.** Ионийское восстание и позиция Спарты. — ВДИ, 1973, № 3, с. 138—139; **Boardman J.** The greeks overseas, p. 118—119; **Burn A. R.** Persia and the Greeks, the defence of the West 546—478. L., 1962, p. 195; САН, v. 4, p. 218; **Hammond N. G. L.** A history of Greece to 322 B. C. Oxford, 1959, p. 204—205; **Meiggs R.** The Athenian empire. Oxford, 1972, p. 24—25.

⁴ Так, А. Блэмар (Herodotus and Histiaeus. — С. Q, 1959, v. 9, p. 142—154), А. Френч (Topical influences on Herodotus narrative. — Mnemosyne, 1972, v. 25, p. 9—27), Дж. Эванс (Herodotus and the Ionian revolt. — Historia. Wiesbaden, 1976, Bd. 25, H. 1, S. 31—37; Histiaeus and Aritagoras: notes on the Ionian revolt. — AJPh, 1963, v. 84, p. 113—128) выясняют в своих статьях причину неприязненного отношения Геродота к восставшим ионийцам, а также достоверность его сообщений. А. Борн (p. 195—220) излагает фактическую историю Ионийского восстания по Геродоту. М. Лэнг (Herodotus and the Ionian revolt. — Historia. Wiesbaden, 1968, Bd. 17, H. 1, S. 24—36) пытается реконструировать действительный ход событий, мотивы противоречивых поступков лидеров восстания Аристагора и Гистиея. В поле зрения Г. Чаммэна (Herodotus and Histiaeus role in the Ionian revolt. — Historia. Wiesbaden, 1972, Bd. 21, H. 4, S. 546—563) подлинная роль милетских тиранов в восстании. Обзор иностранной литературы о Ионийском восстании в изображении Геродота см. в статье: **Строгецкий В. М.** Ионийское восстание..., с. 138—139; см. также **Sealey R.** History of the greek city..., p. 195, note 3.

⁵ **Строгецкий В. М.** Ионийское восстание..., с. 134—143.

⁶ См. напр: **Алиев И.** История Мидии. Баку, 1960, с. 258; **Дьяконов М. М.** Очерк истории древнего Ирана. М., 1961, с. 92; **Гафуров Б. Г.** К 2500-летию Иранского государства. — В кн.: История Иранского государства и культуры. М., 1971, с. 9, 33.

⁷ **Алиев И.** История Мидии..., с. 258.

⁸ **Гафуров Б. Г.** К 2500-летию..., с. 9, 33.

⁹ История древнего Востока. Под ред. В. И. Кузищина. М., 1979, с. 298—299.

¹⁰ **Струве В. В.** История древнего Востока. М., 1941, с. 382; **Липин Л. А.** Древний Иран. — В кн.: Очерки истории древнего Востока. Л., 1956, с. 167; **Свенцицкая И. С.** Социально-экономические особенности эллинистических государств. М., 1963, с. 3—4.

¹¹ **Свенцицкая И. С.** Социально-экономические особенности..., с. 3, 4.

¹² Древняя Греция, с. 171.

¹³ История Древней Греции. Под ред. В. И. Авдиева, А. Г. Бокщанина и Н. Н. Пикуса. М., 1972, с. 153.

¹⁴ **Burn A. R.** Persia and the Greeks..., p. 193; **Huxly G. L.** The early Ionians, p. 146; **Sealey R.** History of greek city..., p. 172.

¹⁵ **Дандамаев М. А.** Иран при первых Ахеменидах. М., 1963, с. 231. **Шишова И. А.** Рабство на Хиосе, с. 151; **Olmstead A. T.** History of the Persian empire, p. 157.

¹⁶ **Шишова И. А.** Рабство на Хиосе, с. 151.

¹⁷ Во введении к «Истории» Геродот определяет цель своей работы: спасти от забвения великие дела эллинов и варваров и то, «по какой причине они восвали друг с другом» (di hen aition epelemesan alleloisi).

¹⁸ В. М. Строецкий (Ионийское восстание..., с. 139) полагает, что в действиях ионийских греков видны только две причины восстания: отсутствие у малоазийских городов автономии и установление контроля персов над египетской и черноморской торговлей.

¹⁹ В таком же политическом значении термин *duleia* употребляется и в VI в. до н. э. Плутарх (Sol., XXX) сообщает, что Солон в одной из своих эгегий называл тиранию Писистрата «позорным рабством» (caí dia tauta casen eschete dulosinen).

²⁰ Бергер А. К. Политическая мысль древнегреческой демократии. М., 1966, с. 195, 216, 225; о значении термина *duleia* см. также: Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957, с. 184, прим. 27; Свенцицкая И. С. Положение зависимого населения в Малой Азии V—IV вв. до н. э.—ВДИ, 1964, № 4, с. 81.

²¹ Э. Херсфельд (The Persian empire. Studies in geography and ethnography of the ancient Near East. Wiesbaden, 1969, p. 295—296) считает, что Геродот заимствовал список сатрапий у Гекатея Милетского, а список Гекатея восходит к более подробному персидскому, являясь его модификацией. На сегодняшний день список Геродота содержит самую подробную информацию о сатрапиях, а о размере получаемых с них налогов мы узнаем только из Геродота.

²² Мы считаем платежи, взимаемые персами (начиная с Дария I) с малоазийских городов, налогами (о классификации и формах налогов в эксплуататорских государствах см.: Финансово-кредитный словарь. Под ред. В. П. Дьяченко. М., 1964, т. 2, с. 75; БСЭ. М., 1974, т. 17, с. 227—228). Геродот (VI, 42), Фукидид (VIII, 4—5), Ксенофонт (Hell., II, 1, 14), Псевдо-Аристотель (II, 2, 1348a, 5—15) называют платежи персам словом *phoros*, а Эсхил (Pers., 586) и иногда Ксенофонт (Anab., 1, 1, 8) — *dasmos*, обозначавшим и дань, и подать, и налог. Эти авторы, как правило, не делают терминологического различия между данью племен, налогами, взимаемыми в Персидском государстве, и взносами в Афинский морской союз (см. напр.: Thus., II, 97, 3; 1, 96, 2; VIII, 5, 4—5). Поскольку большинство наших источников promiscue применяет термины *phoros* и *dasmos* (см. напр.: Хер., Киг., VII, 49; Anab., 1, 1, 8), разумея под этим любые платежи, мы берем одно из значений этих терминов — «налог», так как именно оно соответствует характеру платежей малоазийских городов персидским царям начиная с Дария I. Этот налог можно охарактеризовать как прямой, реальный (БСЭ, т. 17, с. 228), твердый (Финансово-кредитный словарь, т. 2, с. 34). Мы не согласны с обычным переводом *phoros* как «подать» (там, где речь идет о платежах малоазийских городов персам), так как подать берется в равных суммах независимо от дохода или имущества (Финансово-кредитный словарь, т. 2, с. 210). У персов же размер налога зависел от величины хоры города (Her., VI, 42).

²³ См. прим. 6—14.

²⁴ Гекатей Милетский (FGrH, 228—264) дает названия 29 полисов Ионии, Карии, Ликии и Памфилии. В «Истории» Геродота, содержащей сведения о малоазийских полисах в VII—начале V в. до н. э., мы встречаем названия 43 греческих городов. Списки фороса афинских союзников называют еще 64 города ионийского и карийского податных округов, входивших ранее в первую сатрапию. В произведениях Фукидида и Ксенофонта содержатся сведения о 11 городах, дополняющие данные Геродота и списков фороса. И, наконец, Страбон, оставивший подробное описание побережья Малой Азии, сообщает еще о 12 городах первой сатрапии. Всего, таким образом, 165 городов.

²⁵ По мнению М. А. Дандамаева и Р. Фрая, земельный налог в Персидском государстве взимался еще и с учетом средней урожайности, а также видов возделываемых культур (Дандамаев М. А. Ахеменидское государство и его значение в истории древнего Востока.— В кн.: История Иранского государства и культуры. М., 1971, с. 101; Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972, с. 158). Но в источниках об этом мы сведений не находим.

²⁶ Из Геродота (VI, 42) известно, что налоговая ставка была твердой (о твердых ставках см.: БСЭ, т. 17, с. 228). Но сколько серебра приходилось платить за парасанг земли, мы не знаем.

²⁷ Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность сотруднику кафедры теоретической механики УрГУ Кареву Б. Н., который помог обосновать возможный метод обработки статистического материала и произвести необходимые расчеты.

²⁸ Примерную численность населения городов Ионии высчитал К. Рэбак (Ionian trade and colonization. N. Y., 1959, p. 21—23), исходя из сообщения Геродота о величине флота восставших в битве при Ладе (Нер., VI, 8). Известно, что в этой битве ионийцы выставили наибольшее число триер, мобилизовав все население (Нер., VI, 7). Зная, что на каждой триере было по 200 человек и беря традиционное ratio между военнообязанными и остальным населением полиса (не считая рабов) 1:4, Рэбак определил примерную численность населения городов. Например, население Милета $\approx 80 \times 200 \times 4 \approx 64000$; Миунта $\approx 3 \times 200 \times 4 \approx 2400$.

²⁹ Meiggs R. The Athenian empire, p. 62.

³⁰ Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль..., с. 165; Meiggs R. The Athenian empire, p. 61—62.

³¹ Наиболее полное издание списков фороса у Б. Д. Меритта (Meritt B. D., Wade—Gery H. T., Gregor M. F. The Athenian tribute lists, Cambridge, 1939—1953, v. 1—4).

³² Клазомен, Колофона, Лебеда, Миунта, Приены, Теоса, Фокеи, Эфеса. В их число не включены Хиос, Самос и Лесбос (хотя численность их населения и определена К. Рэбаком), так как они отсутствуют в списках фороса. Не учитывается также Милет, поскольку численность его в 50—30-х гг. была меньше по сравнению с 90-ми гг. V в. до н. э., так как в 494 г. до н. э. Милет был сожжен персами, а его население подвергнуто истреблению и массовым переселениям (Нер., VI, 18—20). Не были включены и Эрифры, поскольку они, как правило, выплачивали форос вместе с другими городами эрифрской синтелии, населения которых мы не знаем (Meritt, VI, п. 446—448).

³³ Это представляется нам допустимым, так как города первой сатрапии находились в равных условиях: почвы этой области равно плодородны.

³⁴ Приводим таблицу сумм фороса 9 городов в 50—30-е гг. V в. до н. э. и численность их населения по К. Рэбаку.

Город	Численность населения, чел.	Форос в 50—30-х гг. V в. до н. э., талант
Клазомены	9000	1,5
Колофон	2000	1,5—3
Лебед	2400	1—3
Миунт	2400	1—1,5
Приена	9600	2
Эфес	30000	6—7,5
Теос	30000	6
Фокея	5000	1,5—3

Общая сумма фороса девяти городов — 26,5 таланта, общая численность их населения — 89,4 тыс. человек. Разделив первое число на второе, получим среднюю величину налога на человека. Она равна 0,0003 таланта или 1,8 драхмы.

³⁵ В виде формул наши рассуждения выглядят следующим образом:

$$T_n = I_1 \cdot S_n + I_2 \cdot E_n > I_1 \cdot S_n = I_1 k \cdot N_n,$$

$$\sum_{n=1}^8 T_n > l_1 \cdot k \cdot \sum_{n=1}^8 N_n.$$

$$\frac{\sum_{n=1}^8 T_n}{\sum_{n=1}^8 N_n} > l_1 \cdot k, \quad 0,0003 > l_1 \cdot k,$$

где S_n — площадь n -го города,
 N_n — население n -го города,
 T_n — форос n -го города по афинской системе,
 E_n — доход n -го города,
 l_1 — ставка налога с площади,
 l_2 — ставка налога с дохода,
 $l_1 \cdot S_n$ — налог n -го города по персидской системе,
 $\sum_{n=1}^8 T_n$ — сумма фороса восьми городов,
 $\sum_{n=1}^8 N_n$ — сумма населения восьми городов.

При этом допускается, что $\frac{S_n}{N_n} = k$ (k — величина постоянная). Из изложен-

ного видно, что полученная сумма (0,0003 таланта) налога на человека по афинской системе больше суммы налога на человека по персидской ($l_1 \cdot k$), т. е. последняя величина может рассматриваться как нижняя граница налога.

Естествен вопрос: справедливы ли выводы, сделанные по восьми городам в отношении остальных городов первой сатрапии? Сделать оценку вычисленной величины налога на человека можно при помощи списков фороса. Из 88 городов, ранее входивших в первую сатрапию и затем вступивших в Афинский морской союз, в списках фороса представлены с указанием величины фороса 78 городов. Из них наименьший налог (одну мину) платила Птелеуса (Meritt., 12, 1, 24; 13, 1, 25). Поскольку города первой сатрапии находились в равных экономических условиях и имели одинаковые экономические потребности и возможности их удовлетворения (см.: Нейхардт А. А. Рабство в малоазийских торговых греческих городах, с. 101—103), можно допустить определенную пропорцию между налогом и населением города. В таком случае:

$$\frac{\sum_{n=1}^{78} T_n}{\sum_{n=1}^{78} N_n} = \frac{\sum_{n=1}^{78} T_n}{N_{\pi} \cdot \sum_{n=1}^{78} r_n} = \frac{128,77}{1000 \cdot 6533} = 0,00002 \text{ (таланта)}.$$

При этом допускается, что, во-первых, $\frac{T_n}{b} = \frac{N_n}{N_{\pi}} = r_n$ (где b — налог Птелеусы, N_{π} — население Птелеусы, r_n — определенная величина, выражающая соотношение между населением и налогом каждого города и Птелеусы), и, во-вторых, что население Птелеусы минимальное (> 1000 чел.).

Из произведенных расчетов следует, что полученная величина фороса на человека по 78 городам (0,00002 таланта) меньше размера фороса на человека по восьми городам (0,0003 таланта), а это означает, что выводы, сделанные по восьми городам, можно распространить и на все остальные.

³⁶ Строго говоря, это верхняя граница только для крупных городов.

³⁷ Исключение допускалось в особо сложных ситуациях, в этих случаях вводилось прямое пропорциональное обложение (см. напр. *esphoga* у афинян в период Пелопоннесской войны — *Thuc.*, III, 19, 1).

³⁸ Несомненно, сумма в 50 талантов не могла принадлежать одному человеку. Даже в конце V — начале IV в. до н. э. богатым считался обладавший лишь несколькими талантами. О состояниях богатых афинян в конце V — начале IV в. до н. э. см.: Лисий, XII, 5—6, 11; XIX, 46; XXXII, 4—6. По Лисию, 10 талантов — это очень большое состояние. Лишь самый крупный афинский банк выполнял операции на сумму 50 талантов (см.: **Казаманова Л. Н.** Введение в античную нумизматику. М., 1969, с. 42).

³⁹ *Meritt*, I, III, 21; 2, VI, 9; 16, I, 10; 23, I, 38; 4, II, 32; 5, II, 6; 22, I, 68; 23, I, 64; 3, II, 30; 5, V, 20; 23, I, 62.

⁴⁰ Мы располагаем данными о стоимости жизни и ценах на товары преимущественно для Афин V—IV вв. до н. э. Нам думается, что не могло быть значительной разницы между ценами в Афинах и Малой Азии. Так, например, средняя стоимость хлеба в Афинах V—IV вв. до н. э. — 5 драхм за медимн (Античная цивилизация. М., 1973, с. 64), а в Лампсаке в первой половине IV в. до н. э. хлеб продавался по 4—6 драхм за медимн (Псевдо-Аристотель, II, 2, 33—37). Но привлекая сведения о стоимости жизни в V—IV вв. до н. э. для конца VI в. до н. э., мы должны помнить о некотором понижении денежного курса в классический период по сравнению с архаическим (см.: **Казаманова Л. Н.** Введение..., с. 41).

⁴¹ **Казаманова Л. Н.** Введение..., с. 41.

⁴² Там же.

⁴³ **Zimmerman H. D.** *Freie arbeit, preise und lohne.*— *Hellenische poleis*, 1974, Bd. 1, S. 102.

⁴⁴ *Ibid.*, S. 102—103.

⁴⁵ **Виноградов Ю. Г.** Новые материалы по раннегреческой экономике.— ВДИ, 1971, № 1, с. 71—75.

⁴⁶ Древняя Греция, с. 242.

⁴⁷ Подробнее о зарплатах и ценах на товары в греческом мире V—IV вв. до н. э. см.: **Zimmermann H. D.** *Freie arbeit...*, S. 98—104.

⁴⁸ **Свенцицкая И. С.** Социально-экономические особенности..., с. 4, прим. 1; см. также: **Липин Л. А.** Древний Иран, с. 167; **Уильбер Д.** Персеполь. М., 1977, с. 21.

⁴⁹ *Thuc.*, VIII, 5, 4—5; *Xen.*, *Oec.*, IV, 9; *Xen.*, *Hell.*, II, 1, 14.

⁵⁰ Псевдо-Аристотель, II, 2, 1348а, 5—15. Сошлемся также на мнение авторитетного специалиста по истории Ахеменидской Персии М. А. Дандамаева, считающего, что откупщиков в Персидском государстве не было. (**Дандамаев М. А.** Рабство в Вавилонии. М., 1974, с. 36; см. также примечания (с. 88, прим. 15) к кн.: **Уильбер Д.** Персеполь).

⁵¹ **Нейхардт А. А.** Рабство в малоазийских торговых греческих городах.— В кн.: Рабство на периферии античного мира. Л., 1968, с. 103; **Roebuck C.** *Ionian trade...*, p. 69—70, 92, 93, 94, 99.

⁵² **Дандамаев М. А.** Ахеменидское государство..., с. 101—102.

⁵³ **Roebuck C.** *Ionian trade...*, p. 18, 70.

⁵⁴ **Лурье С. Я.** Геродот. М.—Л., 1947, с. 64—65, 86—89.

⁵⁵ В этой связи нам представляется справедливым утверждение Г. Ф. Ильина, что без отношений собственности на средства производства нет эксплуатации. И потому налог, дань и др. при отсутствии собственности на средства производства — не эксплуатация, а внеэкономические отношения (см. ВДИ, 1967, № 4, с. 202).

⁵⁶ *SGHI.*, 12 (p. 20—22).

⁵⁷ См. также: **Кобылина М. М.** Милет. М., 1965, с. 33.

⁵⁸ **Гафуров Б. Г.** К 2500-летию..., с. 8. 11; **Дандамаев М. А.** Ахеменидское государство..., с. 101—102, 103.